
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

DOI: 10.7256/2070-8955.2013.6.8909

АРИАНИЗМ КАК МИФОЛОГИЯ

Аннотация. Картина мира состоит из десятков тысяч образов. Они могут быть простыми, как отражение облаков, плывущих по небу, а могут представлять собой абстрактные построения относительно устройства мира. Индивид нуждается в системе ориентации, которая дала бы ему возможность отождествить себя с неким признанным образцом. Впервые такого рода механизмы были рассмотрены в концепции Фрейда. Исходя из этого понятия, Эрик Эриксон писал уже о психосоциальной, культурной, расовой идентичности.

Французский философ Поль Рикёр, размышляя о многозначности понятия «идентичность» провел различие между индивидуальной и социальной идентичностью. Смысл этой демаркации заключается в том, что внутренний образ человека далеко не всегда совпадает с тем, как он воспринимается в социальном окружении.

Для нас эти проблемы важны, потому что мы должны определиться с исторической судьбой России. Рассматриваем ли мы Россию как правопреемницу СССР, сохраняя верность единой летописи страны или, напротив, отождествляем себя с новой культурной общностью? Принадлежим ли мы Европе или в нас больше азиатского («Да, скифы мы, да, азиаты мы...»)? Совершенно очевидно, что наше представление о России не совпадает с тем, как ее воспринимают другие народы и страны.

Многие современные интеллектуалы стремятся противостоять общей унификации национальной культуры. В качестве обоснования личности тех или иных стран, регионов выступает социальная мифология. Так, французские «новые правые» разглядели специфику европейской культуры в том, что она одушевлена арианизмом. Этот термин обозначает у «новых правых» религиозно-мифологический комплекс представлений, связанных с индоевропейскими народами. Народы Европы, по словам «новых правых» принадлежат к индоевропейской традиции, которая известна еще со времен неолита и насчитывает свыше 5 тысяч лет.

Лидер «новых правых» А. де Бенуа не призывает к реставрации архаической культуры. Он лишь лишает понятие «прогресс» его неодолимой фатальной сущности. В истории, утверждает он, нет ленточного движения событий, традиция не исчезает, она продолжает жить в актуальной истории. Будучи вневременной категорией, она формирует и преобразует «народную душу». Именно поэтому она определяет типологический строй национальной культуры.

Ключевые слова: философия, просвещение, арианизм, культура, цивилизация, идентичность, язычество, герой, декультуризация, почва.

Имидж современной России напрямую связан с кризисом идентичности, которая стала острой проблемой для гуманитарного знания. Например, в течение десяти тысяч лет господства на планете сельского хозяйства индивиды прочно идентифицировались с семьей, кланом, деревней, другими группировками. Индивид рождался уже как член семьи и расовой группы. Он всю жизнь проживал в деревне, в которой родился. Религия задавалась ему родителями и местным сообществом. Таким образом, базисные индивидуальные и групповые культурные привязанности определялись при рождении. Групповая идентичность обычно оставалась постоянной на протяжении всей жизни человека.

Если мы хотим проследить крушение идентичности, то нельзя обойти и промышленную революцию. Она ослабила семейные формы культурной идентификации. Характер ее меняется радикально. Сегодня, как известно, возникают новые идентификационные группы. Этот процесс получает решающее ускорение благодаря демасшифицированным средствам массовой информации. С нарастанием современных цивилизационных преобразований многие люди приобрели возможность в выборе культурной идентичности. Заметно ускоряются отныне и темпы социальных и культурных изменений, так что идентификации, которые выбираются, становятся все более кратковременными. Новые формы самоотождествления накладываются на прежние, возможно, более глубоко укорененные, слои расовой и этнической идентичности.

Модернизация, глобализация привели к тому, что люди были вынуждены попросту переопределять собственную идентичность, сузить ее, превратить в нечто камерное, более интимное. Но это с одной стороны, а с другой — «расширение идентичности». Представители одного народа все чаще и чаще взаимодействуют с людьми иных культур и цивилизаций. Наиболее отчетливо возникновение новой, «сверхнациональной идентичности», проявилось в Европе. Рождаются новые гиганты социальной жизни — общий рынок, таможенные союзы, региональные хозяйственные идентичности. Мы говорим и о планетарной культуре. И вместе с тем рушатся прежние культурные идентичности.

Традиции не есть нечто ушедшее, отмечает А. де Бенуа, «она не то, что позади нас, но то, что неизменно, то, что внутри нас»¹. Национально-расовая природа человека, подчеркивает он, отнюдь не только «единица зоологии». В общем потоке эволюционного становления человечества она служит «опорой истории, культуры, судьбы»². Историчность и необратимость существования человека заключается в том, что каждый индивид рождается в лоне конкретной культуры и наследует ее внутреннюю смысловую матрицу.

Стало быть, расово-этническая характеристика, считают французские интеллектуалы, любой из существующих культур является ее наиболее существенным признаком. Они ориентируются, судя по всему, на своего рода национально-расовую типологию культур. «Новые правые» считают крайне важным реставрировать принцип «морфологии культур», который анализировал О. Шпенглер. Но речь скорее всего идет о восстановлении «духа» шпенглеровской философии культуры: ее почвеннического настроения, подчеркивание витально-иррационалистических истоков культуры, стремления услышать в динамике культуры голос «крови и судьбы».

Интерес к этническому измерению культуры связан в современном мире с противостоянием «декультурации» Европы, американизации европейской культуры. При этом соотнесение понятий «культура» и «цивилизация» также служат основанием для выявления культурно-исторического своеобразия европейского региона.

Есть страны, считает А. де Бенуа, например, США, где элемент цивилизации преобладает над элементом культуры. Иное, по его мнению, можно сказать о некоторых старых народах Европы, например итальянцев и немцев. Вообще, как считает А. де Бенуа, «цивилизация воссоздает и универсализирует, тогда как культура

индивидуализирует и различает»³. В согласии с внутренней логикой данных понятий как неизбежный исторический факт следует признать то, что «единая цивилизация становится мировой, плюрализм культур иссякает»⁴.

В странах, где цивилизация более развита, чем культура, господствует уверенность в верности общепринятых истин, иначе говоря, проявляется отчетливая тенденция к стандартизации мышления, особенно очевидная на фоне роста национальной солидарности. Для стран, в которых культура доминирует, напротив, высоко ценится независимость мышления; оригинальность личности не воспринимается как потенциальная социальная опасность; поощряется культурный регионализм.

Бенуа размышляет об особенностях мифологии и государственности индоевропейских народов. Он пытается отыскать специфику индоевропейских культур. К числу основных характеристик этой особенности, Бенуа относит «социофункциональную трехчленность», «арианизм», принцип аристократии. Под «социофункциональной трехчленностью» подразумевается социальная структура древнего индоевропейского общества, основанная на бесконфликтном иерархическом подчинении жречества, касты воинов и «народа» (торговцев и земледельцев). А. Бенуа считает, что индоевропейские народы эту традицию индоевропейские народы пронесли неизменной на протяжении тысячелетий, продвигаясь из Индии, через Иран и Европу до самых северных ее окраин.

А. Бенуа при этом опирается на труды Ж. Дюмезиля, крупнейшего французского исследователя в области мифологии, филологии и истории культур. Этот ученый разработал фундаментальную индоевропейскую трихотомическую систему мифологических функций (магическая и юридическая власть, воинская сила, плодородие). Он также установил взаимосвязь данной структуры с героико-архаическим эпосом ряда индоевропейских народов и особенностями их социального устройства.

В одной из своих работ А. де Бенуа воспроизводит (на основе реконструкции Ж. Дюмезиля) структуру пантеона древних скандинавов, выделяя Одина — покровителя жреческого сословия (космический план), Тора-патрона воинов (план «человеческий» и Фрейра-Фрейю — двух богов земледельцев (социальный план). Из этого анализа А. де Бенуа делает вывод, что для индоевропейского мира (Европы в том числе) характерна изначальная сбалансированность всех проявлений

¹ Benoist A. de. Les idées à l'endroit. P., 1979. P. 121.

² Там же. С. 146.

³ Там же. С. 222.

⁴ Там же.

жизни общества: религии-права-экономики, а также структуры личности, в которой гармонично увязываются разум, эмоции и трудовая деятельность.

В том, что европейская культура перестала осознавать свой индоевропейский архетип, французские интеллектуалы склонны вслед за Ф. Ницше винить христианство. А. де Бенуа усматривает в претензиях церкви на культурную автономию, в глобальной культурной ассимиляции народов Европы под предлогом христианизации черты ненавистной ему «идеологии равенства», христианский монотеизм, с помощью которого искоренялись древние святилища и празднества в Европе. А. де Бенуа считает, что вера в исконных богов как раз и является той же самой унифицирующей силой, которая уничтожает остатки региональных культур в Европе под предлогом информационной трансформации.

Обвиняя христианство в намеренной «девестернизации» Запада, А. де Бенуа настаивает на возрождении целостного духовного образа Европы — «Европы не только Спинозы и Оригена, но и Иоахима Флорского, Парацельса, Экхарта, Николая Кузанского»⁵.

Что же является антиподом христианства в рассуждениях А. де Бенуа? Арианизм — исконная религия Европы, древняя «религия богов и героев». В этом увлечении А. де Бенуа не вполне оригинален. Он постоянно опирается на критику христианства, которую реализовал Ф. Ницше. Арианизм как исповедание трактуется как религия национальная, которая культивирует «героический дух в человеке», превращает его в «творца самого себя».

Мы живем в эпоху масс, размышляет А. де Бенуа. Это означает, что в культуре исчезают формы и смысл. Роковая способность масс превращать смысл в знак, формы в зрелища ведет к социальной анархии и подрыву культуры. Материальное обогащение народов порождает духовный вакуум. Возникает феномен «атрофии воли». Это действительно грозная болезнь современного мира. Именно поэтому необходимо, считает А. Бенуа, наполнить новым смыслом старое понятие аристократии, вспомнить о том, что индоевропейское общество традиционно основывалось на аристократической идее (брахманы в Индии, эвпатриды в Афинах, патриции в Риме, «благородное сословие» в Европе).

После преодоления в XVIII в. кризиса в понимании традиции сформировалась определенная тенденция искать смыслы в историческом прошлом. Хейден Уайт рассматривал философию истории Гегеля не более чем попытку ухода от исторических сомнений и споров, оставшихся после Канта. Ницше решительно возражал против того, что социальное бытие становится дей-

ственным только в связи с появлением нового. Началось фактическое испытание прошлого. Политическая история стала оперировать символами, установками и ментальностями. Восстановились идеи вчувствования в историю, идентификации себя с людьми, которые жили в прошлом. Зазвучал вопрос: что создает смысл в истории? Возник интерес к тому, как люди в прошлом переживали свою «реальность». Актуальной стала проблема трансляции смыслов.

Известный канадский ученый и писатель Джон Сол отмечает, к примеру, что война идеологий бывает дорогостоящей в любом аспекте, но это не делает ее более осмысленной. Люди обладают удивительной способностью изобретать конкретные, но глупые оправдания убийства себе подобных. Это, по его мнению, убедительно доказали великие битвы при Креси и Азенкуре во время первой Столетней войны.

Вытесненное христианством язычество постоянно напоминает о себе. Мы вряд ли отдаем отчет, какую огромную роль играет в наши дни эта древнейшая форма мировосприятия. В истории философии были примеры уловления в массовой психологии языческих умонастроений.

Пока человек оставался в лоне язычества, не было, на наш взгляд, и гуманизма как специфического духовного умонастроения. В европейской культуре, по мнению Т. Манна, можно зафиксировать два элемента — античность и христианство. Но ведь античность — это еще язычество. «А у восточных славян «очеловечивание» таких сил, — отмечает российский ученый Г.К. Вагнер, — и вовсе находилось на зачаточном уровне. Описывая, например, Перуна, летописец сумел отметить только его золотой ус, а что представляло собой тело или хотя бы голова — осталось неизвестно. О внешности Стрибога, Хорса, Дажьдбога мы и вовсе ничего не знаем. О духовном преимуществе христианства над язычеством в советской философской литературе вообще не писалось. Напротив, древние верования оценивались даже как более исторически значимые. Само же христианство в вульгарно-социологической литературе трактовалось как религия рабов. При этом совершенно игнорировался вклад этой мировой религии в развитие всей европейской и мировой культуры, а главное — в укрепление веры, как духовного состояния человека, его уникального свойства. Языческие корни — во многих наших современных представлениях.

Язычество в той же мере связано с абсолютизацией природной сущности человека, сколь и гуманизм. Гуманистическая антропология рождается по произвольному почину самого человека в момент противостояния религиозному сознанию средних веков. Оно возникает в эпоху Возрождения и развивается в новые

⁵ Там же. С. 82.

времена вплоть до наших дней. Гуманистическое сознание освобождало и утверждало природного человека, утратившего свою микрокосмичность.

Французские «новые правые» (Л. Повель, А. де Бенуа) в полемике с религиозными христианскими мыслителями развивают такую концепцию человеколюбия, которая не предполагает выделения независимого, изолированного индивида. Напротив, речь идет о возрождении духа патриархальной, доличностной культуры, которая, по их мнению, и призвана представить сегодня наиболее значимую и продуктивную версию гуманизма.

Ключевым понятием в этой программе названных философов служит слово «культура». Они отмечают, что появление человека на арене истории следует рассматривать как феномен культуры. Напрасны поиски человека до культуры. Она глубочайшим образом связана с сущностью человека. Он сделал первый шаг к разрыву с природой, когда начал возводить над ней собственный, человеческий мир, мир культуры как дальнейшую ступень мировой эволюции.

По мнению «новых правых», лишь культура придает реальность бытию человека. Индивид, следовательно, ощущает свою самостийность не в собственной суверенности, а внутри культуры. Поэтому настоящая гуманизация мира, как полагают «новые правые», возможна только на путях деперсонализации, растворения человека в более корневой общности, каковой является культура, раса, нация.

«Новые правые» предлагают возродить язычество, полагая, что именно в нем заложены утраченные традиции истинно религиозного. На этой почве, по мнению «новых правых», могут взойти ростки обновленного гуманизма. Однако, размышляя о культурном воскрешении, философы этой ориентации менее всего интересуются человеком. По существу, они вступают в

полемику с европейской мировоззренческой традицией, согласно которой подлинный гуманизм невозможен без свободной независимой личности.

Было бы неправильно полагать, что гуманизм без человека — это продукт только французской мысли. Наш отечественный философ Борис Филиппович Сушков в книге «Русская культура: новый курс» пытается возродить русские гуманистические традиции. Он пишет: «Россия теперь стоит, как витязь, на распутье. Три пути перед нею: Христианство? Язычество? Атеизм? Какую культуру мы собираемся возрождать — светскую или теократическую в той или иной степени? Европейскую и евразийскую?» По убеждению автора (его книга вышла в издательстве «Наука») никакого христианства в строгом смысле слова никогда не было. Но его и не может быть, поскольку нравственные законы христианства противоречат человеческой природе. Не было также, по мнению автора, никогда и чистого атеизма. Против чего воюет Сушков? Он считает, что переход к единобожию от языческих религий не был прогрессивным. Этот процесс сыграл катастрофическую, роковую роль в истории народов и всего человечества.

Но ведь все это было написано Фридрихом Ницше. Нет, не все. Ради возрождения ослабленной биологической силы автор предлагает утвердить славянское язычество. Он с сарказмом отмечает негодность иконы, в которой образ еврея Христа стилизовался под русского мужика.

Христианский фундаментализм, считает автор, не менее опасен, чем исламский. Антропоморфные боги Олимпа, рассуждает автор, похожие по своему поведению на людей, гораздо лучше, человечнее, чем вселенский Бог-Вседержитель, символ абсолютного идеального совершенства. Итак, спасти нас могут только Перун, Хорс и Дажьбог.

Список литературы:

1. Сол Джон Ролстон. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М., 2007.
2. Спирова Э.М. Кула и Потlach: психологический смысл (знак, символ и симулякр в трактовке Ж. Бодрийяра) // Психология и психотехника. 2011. № 5(32). С. 48-56.
3. Сушков Б.Ф. Русская культура: новый курс. М., 1996.
4. Benoist A. de. Les idées à l'endroit. P., 1979.

References (transliteration):

1. Sol Dzhon Rolston. Ublyudki Vol'tera. Diktatura razuma na Zapade. M., 2007.
2. Spirova E.M. Kula i Potlach: psihologicheskii smysl (znak, simvol i simulyakr v traktovke Zh. Bodriyyara) // Psihologiya i psihotehnika. 2011. № 5(32). S. 48-56.
3. Sushkov B.F. Russkaya kul'tura: novyy kurs. M., 1996.
4. Benoist A. de. Les idées à l'endroit. R., 1979.